

Борис Цилевич: не стоит пугать репрессиями из-за поправок к Закону о нацбезопасности

Февраль 29, 2016 | 14:52 Редакция VES(точка)LV

На прошлой неделе Сейм Латвии в окончательном чтении утвердил поправки к Закону о национальной безопасности. Они содержат новаторское определение термина «военное время»: «Военное время наступает, если внешний враг совершил вооруженное вторжение или иначе выступает против независимости государства, его конституционного порядка или территориальной целостности».

Так совпало, что накануне суд Курземского предместья вынес приговор кинорежиссеру Максиму Коптелову: шесть месяцев тюрьмы за размещение в

интернете петиции о присоединении Латвии к России. И хотя в тексте петиции было указано, что это всего лишь шутка, суд юмора не понял.

Не приведет ли принятие нового закона к увеличению таких приговоров по самым разным поводам? Не смогут ли власти использовать новый закон для введения военного положения под предлогом «антиправительственных выступлений» русских, к примеру, в защиту школ?

С этими вопросами наш портал обратился к депутату Сейма, эксперту-правозащитнику Борису Цилевичу.

-От самих поправок я не в восторге, поскольку считаю, что сосредоточиться стоило бы на том, чтобы не допустить ситуацию «военного времени». В противном случае никакие правила и законы нам не помогут. С другой стороны, страшилки по поводу этих поправок — это элемент информационной войны, и их не стоит принимать буквально.

-Но зачем эти поправки нужны?

-Нельзя не признать, что концепция ведения боевых действий изменилась радикально. В том же Донбассе войну никто не объявлял, и формально никто никуда не вторгся, но боевые действия ведутся, люди гибнут. Та же ситуация на Ближнем Востоке — боевые действия ведутся не государственными акторами.

-А в законе есть расшифровка того, какие действия для нарушения конституционного строя Латвии являются «иными»? Это вооруженный мятеж или мирный митинг в центре Риги?

-Нет, и не думаю, что такую расшифровку где-то можно найти. Смысл как раз в том, чтобы предоставить большую свободу действий министерству обороны, полиции в ситуации, когда уже стреляют, а состояния войны по закону нет, потому что закон такой ситуации не предусмотрел.

Что касается использования этого закона «для репрессий против несогласных», то это поверхностный взгляд на Латвию, чьи власти исповедуют в этом смысле вполне вегетарианский подход. Случай Максима Коптелова — это первый прецедент такого рода.

-Как вы его прокомментируете?

-Очевидно, что наказание несоразмерное. В Европейском суде по правам человека уже был целый ряд дел, в частности, против Турции, где суд четко зафиксировал: свобода слова предполагает возможность выступать с точкой зрения, которая может быть неприемлема и даже отвратительна для большинства, а наказывать государство имеет право только в тех случаях, если выступающий прибегает или призывает к насилию. И приговор Максиму Коптелову не окончательный, дело на стадии апелляции, и если пересмотра не удастся добиться в Латвии, то, очевидно, все закончится в Европейском суде по правам человека.

Я еще раз подчеркну, что это первое дело, дошедшее до приговора с реальным сроком. До этого немало подобных дел, включая два дела против Александра Гильмана, закончились оправдательными приговорами. В Латвии до сих пор применялся скорее американский, чем европейский подход к свободе слова, когда это право понимается как почти абсолютное, и на многие случаи hate speech – «речи ненависти», с откровенно расистскими призывами — реакция была очень слабая. В данном случае я ожидаю, что суды следующих инстанций исправят допущенную ошибку.

